

О. А. БЕЛОБРОВА

О судьбе московских реликвий с именем патриарха константинопольского Филофея

Среди средневековых реликвий, почитавшихся в Московском государстве, по крайней мере две издавна связаны с именем патриарха константинопольского Филофея, занимавшего патриарший престол дважды: в 1354—1355 гг. и в 1364—1376 гг.¹

Речь идет, во-первых, о так называемой Филофеевской ставроотеке (т. е. о хранилище для креста) из Оружейной палаты Московского Кремля, которая, по преданию, была привезена митрополитом Алексеем в 1354 г. от патриарха Филофея в Москву, где она стала достоянием великокняжеского двора и привлекалась при венчании на княжеский престол и на царство.² Упоминание этой серебряной позолоченной ставроотеки, называемой то «крест честный животворящий патрешаршь Филофеевский», то «икона Филофеевская», то «крест животворящее древо в раце цареградской», находим в духовных грамотах великих князей московских.³ В настоящее время эта ставроотека (с опустевшим гнездом для креста) работы византийских мастеров XII в. хранится в Музеях Кремля; она известна по изданиям сокровищ Оружейной палаты.⁴

Во-вторых, имеется в виду крест из ризницы Троице-Сергиевой лавры, присланный, согласно известиям Жития Сергия Радонежского, от патриарха Филофея вместе с грамотой о введении в монастыре общежительного устава и с «поминками» (схимой и парамандом, т. е. нагрудным или наплечным платом).⁵ Напомним, что ни в монастыре, ни где-либо еще не сохрани-

¹ История Византии: В 3 т. М., 1967. Т. 3. С. 388.

² *Weltmann A.* Le trésor de Moscou. М., 1861. Р. 20; Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. I. С. 5—7; *Барсов Е. В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами, с историческим очерком чинов царского венчания // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. XXVIII; *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV—XVI вв. // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 3. С. 14, 16.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 57, 59—61, 193, 197, 362.

⁴ *Писарская Л. В.* Памятники византийского искусства V—XV веков в Государственной Оружейной палате. Л., 1966. С. 16. Табл. XII—XIII; *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966. С. 312. Табл. № 195.

⁵ Вот как сообщается об этом в Житии Сергия Радонежского: «О съставлении общаго жития: По сих же въ единъ от дний приидоша грекы от Коньстянтиня града, от патриарха послани къ святому. Поклонишася ему, глаголюще: „Вселеньский патриархъ Коньстянтиня града киръ Филофейъ благословляетъ тя“. Такжеже от патриарха и поминки вдаша ему: крестъ, и парамантъ, и схиму, по сем и писания посланаа вдаша ему...». Цит. по изд.: БЛДР.

лись ни грамота (ее текст приводится только в Житии Сергия), ни привозная схема, ни подобный параманд. Что касается креста, то долгое время им считался крест на престольный, золотой, с гравировкой, драгоценными камнями, дробницами и надписью на обороте: «Сий святыи крест прислал святейший патриарх Цариграда Кир Филофей, вселенский учитель, свое благословение к преподобному игумену троецкому Сергию чудотворцу в дни благочестиваго и великаго князя Дмитрия Ивановича всея Русия и святейшаго Алексия чудотворца, митрополита киевского и всея Русия, на благословение самодержцу государю всея Руси, великому князю и его благоверным князем и всем православным христианом».⁶ Ниже читается: «Делал Андрейко Петров сын Малово».⁷ Именно этот крест назван в рукописных монастырских Описях 1641 и 1735 гг.⁸ (более ранние описи не сохранились).

Принадлежность этого ювелирного изделия руке московского мастера Андрея Малова, XVII в., была установлена только в процессе работы Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры (1918—1920), когда внутри на престольного креста Ю. А. Олсуфьевым с коллегами — Ф. Я. Мишуковым, П. А. Флоренским и А. Н. Свириным — был обнаружен в деревянном гнезде золотой крестик-мощевик⁹ с гравиро-

Т. 6: XIV—середина XV века. СПб., 1999. С. 354 и 561. Отметим, что в ряде списков Жития Сергия вместо «писания» читается «грамоту патриаршу» (например, в списке РГБ, ф. 304, № 746, л. 234); этот список опубликован Б. М. Клоссом, см.: *Клосс Б. М. Избранные труды*. М., 1998. Т. 1. С. 362).

⁶ Здесь и далее надписи переданы в современной орфографии.

⁷ Надпись опубликована с некоторыми разночтениями в изданиях: *Леонид, архим.* Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1882. С. 133—134; *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909. С. 255; *Олсуфьев Ю. А.* Опись крестов Троицкой Сергиевой лавры до XIX века и наиболее типичных XIX века. Сергиев, 1921. С. 2—3 и 64—66. Воспроизведение этого на престольного креста известно в литографиях 1843—1844 гг. Их упоминание находим в статье: *Зарицкая О. И.* Литографская мастерская Троице-Сергиевой лавры и ее значение для творческой деятельности монастыря в XIX в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы междунар. конф. 29 сентября—1 октября 1998 г. М., 2000. С. 414 (крест остроумно назван здесь «ковчегом для золотого креста»). Ср. издание лаврской литографии: Рисунки одежд и утварей, принадлежащих Сергию Радонежскому и преемнику его Никону, а также изображение древних икон, панагий и других вещей, хранящихся в Троице-Сергиевой лавре. 1845. Табл. 5, 6. См. цветное воспроизведение этого креста в старообрядческом издании: *Изборник народной газеты*. М., 1906. Кн. 1, фронт. С. 15, а также в кн.: *Балдин В. И., Манушина Т. Н.* Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV—XVII вв. М., 1996. Ил. 433.

⁸ В рукописной Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г. (Сергиево-Посадский музей, инв. № 289) на л. 83 об. читается: «Крест воздвизальной животворящее древо, обложен золотом, чеканен; а во главе у креста Живоначальная Троица, да Распятие Господне, да образ Пречистые Богородицы, да Иван Богослов, да чудотворца Сергия, навожен чернью; около низано жемчугомъ; да у него же по местом тринадцать камней: шесть яхонтов лазоревых, четыре лалы, два изумруда, да тумпаз на закрепках; двенадцать зерен гурмышских; назади подписано, что прислал цареградский патриарх Филофей». В рукописной Описи монастыря 1735 г. (Сергиево-Посадский музей, инв. № 46) на л. 83 об. читается тот же самый текст.

⁹ Первое упоминание в печати о древнем наперсном золотом кресте от патриарха Филофея, который был «вложен в половине XVII века в золотой восьмиконечный крест с чеканкой и чернью, с камнями и обнизкой из жемчуга, а делал Андрей Петров сын Малово»,

ванным изображением распятого Христа и с надписью на обороте о частице животворящего древа — креста Господня — и о частицах мощей избранных святых, преимущественно греческих. Эту надпись с некоторыми разночтениями публиковали: Ю. А. Олсуфьев (1921), А. С. Орлов (1952), О. А. Белоброва (1958), Т. В. Николаева (1960 и 1971 гг.).¹⁰ О датировке креста по эпиграфическим признакам высказывалась М. В. Щепкина — отнесла его надпись к началу XV в. Того же мнения придерживалась Т. В. Николаева (1960 и 1971). К концу XIV в. эту надпись на кресте отнесли В. Г. Гейман, Е. Э. Гранстрем, Г. М. Прохоров, А. А. Турилов и В. А. Кучкин.¹¹

Соображения о причастности патриарха Филофея к золотому наперсному кресту-мощевнику в связи с упоминанием в его надписи частиц мощей «новых мучеников литовских» (фактическая канонизация которых произошла при патриархе Филофее) были высказаны мной в названной выше статье в 1958 г.¹² С тех пор появились новые исследования, например монография Г. М. Прохорова (с датировкой посольства от патриарха Филофея в Москву не ранее 1376 г.), статьи В. А. Кучкина (с уточнением времени приезда в Москву посланников патриарха в 1377 г.) и наконец книга и статья Д. Баронаса с убедительным определением времени канонизации виленских мучеников (1374).¹³ Все это способствовало подтверждению неслучайности сочетания в реликвии частиц мощей греческих святых (почитава-

см. в очерке: *Мишуков Ф.* Утварь Троицкой лавры // Троице-Сергиева лавра. Сергиев, 1919. С. 109.

¹⁰ *Олсуфьев Ю.* Опись крестов Троице-Сергиевой лавры до XIX С. 2—3; *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М., 1952. С. 117; *Белоброва О. А.* Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому // Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1958. Вып. 2. С. 12—18; *Николаева Т. В.* 1) Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск, 1960. С. 126—127; 2) Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971. С. 32—33. № 2. Наиболее четкое воспроизведение надписи на обороте золотого креста-мощевика конца XIV в. отметим в изд.: *Baronas D.* Trys Vilniaus kankiniai: Gyvenimas ir istoria: (Istorinė studija ir sąltriniai). Vilnius, 2000, tab. XV. (Fontes ecclesiastici historiae Lithuaniae; 2).

¹¹ Мнения М. В. Щепкиной, В. Г. Геймана и Е. Э. Гранстрем были высказаны устно в конце 1950-х гг. Соображения Г. М. Прохорова приведены в его монографии: *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 43—44, примеч. 17. Заключение А. А. Турилова сообщил В. А. Кучкин. См.: *Кучкин В. А.* 1) Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 91, примеч. 30; 2) Сергей Радонежский и «Филофеевский крест» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 16—22.

¹² При подготовке этой статьи в 1956 г. были получены ценные консультации со стороны болгарского византиниста И. С. Дуйчева, например, указание на греческий текст похвалы новым мученикам, пострадавшим в Вильне, составленной современником патриарха Филофея Михаилом Вальсамоном. О публикации этого текста (1903) сообщал еще в 1904 г. А. И. Пападопуло-Керамевс (Византийский временник. СПб., 1904. Т. 11. С. 302—304). В. Н. Лазарев, отметивший ремесленный уровень креста, увидел в нем (по фотографии) русскую работу, далекую от стилистических аналогий «среди произведений византийского мастерства» (устное сообщение).

¹³ *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. С. 48—49; *Кучкин В. А.* Сергей Радонежский и «Филофеевский крест». С. 19; *Baronas D.* Trys Vilniaus kankiniai. P. 115—128, 372—374; *Баронас Д.* По поводу литературной истории Мучения трех виленских мучеников // *Krakovsko-wilenskie studia slawistyczne.* Krakow, 2001. Т. 3. P. 73—98.

шихся в Константинополе) и «новых мучеников литовских» — сочетания, характерного для церковной политики константинопольского патриархата последней трети XIV в.

Как же сложилась судьба наперсного креста, доставленного в Троицкий монастырь и врученного Сергию Радонежскому в 1377 г. греками Георгием Пердикой и Иоанном Докианом по поручению патриарха константинопольского Филофея? Заметим, что этот крест — нательный, рассчитанный на ношение на груди, а не на сохранение в ризнице или в казне. Нам неизвестно, носил ли его игумен Сергей или хранил у себя в келье. Но вот о том, как стали его хранить позднее, можно высказать некоторые соображения. Судить об этом позволяют наблюдения Т. В. Николаевой, заметившей еще в 1959—1960 гг. совпадение в перечне частиц мощей, названных на золотом крестике-мощевике (конец XIV или начало XV в.) и на серебряной позолоченной иконе-мощевике (начало XVI в.), прямоугольной формы, с гравированным распятием. Эта икона происходит также из собрания ризницы Троице-Сергиева монастыря.¹⁴ Совпадение нельзя признать полным, так как в иконе-мощевике пропущено имя св. Евдокии. Из надписи на обороте следует, что в икону-мощевик были вложены две реликвии (с частицами мощей и частицами животворящего древа), а именно «крещик» и «плацанка»; поэтому частиц мощей названо больше. Т. В. Николаева отождествила «крещик» с наперсным золотым крестом-мощевиком конца XIV в., и это отождествление представляется вполне убедительным, тем более что среди частиц мощей святых названа и «риза Сергия чу(до)творьца». Повторение перечня имен святых (хотя и с пропуском Евдокии) позволило даже уточнить чтение имени Иова праведного, никем ранее не разобранным на наперсном крестике. Стало быть, этот крестик хранили как мелкий, притом ценный предмет в серебряной иконе большего формата, украшенной сходным изображением распятия. Это было, таким образом, мерой, обеспечивавшей сохранность реликвии, притом достаточно уважительной мерой, поскольку хранение осуществлялось в монастырской ризнице. Неизвестно, как долго находился крестик от патриарха Филофея внутри серебряной иконы начала XVI в. и почему этот крестик не назван Филофеевским. Однако добавление в надписи к мощам святых частицы «ризы Сергия» указывает, на мой взгляд, на связь крестика с троицким игуменом (Т. В. Николаева сочла в свое время наличие этой частицы признаком места изготовления серебряной иконы начала XVI в.). Знаки особого уважения к сохранности реликвии очевидны. Остается неизвестным, по чьей инициативе в XVII в. крестик поместили в новый почетный футляр, теперь уже золотой крест, и снабдили не менее почетной надписью, с упоминанием патриарха Филофея. Можно выразить сожаление о том, что Т. В. Николаева, установившая способ хранения наперсного крестика в XVI в., не заметила, что в XVII в. был применен тот же способ, только новая оправа — золотой напестольный крест — отличалась богатством, даже роскошью, и была снабжена торжественной надписью, сообщающей о присылке игумену Сергию креста от патриарха Филофея, цитированной выше. К сожалению, Т. В. Николаева не оценила эту акцию,

¹⁴ Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII—XIV веков... С. 266—268, № 121.

усмотрев в ней лишь историческую фальсификацию и незаслуженно упрекнув монахов в подлоге. Увлеченная генеалогическими изысканиями ради определения вкладчиков ковчега-мощевика 1410 г., исследовательница в труде 1971 г. приписала ковчегу суздальское происхождение, равно как и золотому наперсному кресту, и решительно вывела это произведение из круга русско-византийских памятников конца XIV—начала XV в.¹⁵ Недавно в статье 1998 г. В. А. Кучкин опроверг утверждавшуюся Т. В. Николаевой идентичность начертания надписей на обоих предметах, ею сопоставленных.

Таким образом, наперсный золотой крестик с древнерусской резной надписью конца XIV (или начала XV) в., где бы и кем бы он ни был подписан, остается подлинной реалией — крестом от патриарха Филофея, который монастырские власти заботливо сберегали более 500 лет; последние же почти девять десятилетий этот крест по-прежнему занимает достойное место среди почитаемых реликвий в ризнице Троице-Сергиевой лавры.

Если же мы обратимся к судьбе другой московской реликвии, связанной с именем патриарха Филофея, а именно — к судьбе ставротеки Оружейной палаты, то окажется, что историческая память о ее дарителе в кругах светской власти была значительно короче. На протяжении первой половины XV столетия, как было показано выше, ставротека из Византии именовалась Филофеевской, что было отражено в официальной документации — в грамотах великих князей. Позднее византийская реликвия стала безымянной, отмечалось лишь ее цареградское происхождение. Немаловажными при этом были изменения в обрядах венчания на престол. В результате имя патриарха Филофея было возвращено ставротеке, потерявшей функциональное употребление, историками XIX и XX вв., занимавшимися изучением коллекций Оружейной палаты.

Чем же объяснить длительное время сохранения памяти о дарителе креста-мощевика в Троице-Сергиевом монастыре и весьма короткое — не более 50—60 лет — в хранилище символов светской власти? Представляется, что имя патриарха Филофея для московского великокняжеского двора было хотя и авторитетным, но все же преходящим, поскольку удержалось в памяти не более чем двух поколений.

Что касается значения имени того же патриарха в церковной среде¹⁶ и в особенности в Троице-Сергиевом монастыре, то, вероятно, патриарха Филофея не забывали, поскольку он оказался причастным к биографии Сергия Радонежского, и это нашло отражение в агиографической традиции. Напомним, что сюжет вручения греками креста от патриарха Филофея изображен в миниатюре лицевого Жития Сергия Радонежского XVI в., хранившегося также в ризнице Троице-Сергиева монастыря (РГБ, ф. 304/III, № 21).¹⁷

¹⁵ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства... С. 13.

¹⁶ О нем может свидетельствовать, например, известие Новгородской I летописи о присылке из Царьграда архиепископу новгородскому Моисею от византийского императора Иоанна Кантакузина и патриарха Филофея под 1354 г. крещатых риз (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 364 и 374).

¹⁷ Воспроизведение миниатюры к этому сюжету см. в кн.: Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Вып. 2. Вклейка к с. 4.

Патриарха Филофея знали здесь как богослова, полемиста, гимнографа, автора литературных и публицистических сочинений. Переводы его гимнов и молитв были известны в Москве, в Троице-Сергиевом монастыре и в других книжных центрах Древней Руси. Значительный вклад в изучение литературного наследия патриарха Филофея сделан Г. М. Прохоровым, посвятившим этому автору целый ряд работ и публикаций.¹⁸

¹⁸ Прохоров Г. М. 1) Исихазм и общественная жизнь в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 86—108; 2) К истории литургической поэзии: Гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 120—149; 3) Филофей Коккин о пленении и освобождении гераклеотов // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 253—260; 4) Литературно-общественное движение в византийско-славянском мире в XIV веке // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 108—124; и др.